

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

УДК 811.161.1'23
ББК Ш141.12+Ш100.6

ГСНТИ 16.21.29

Код ВАК 10.02.01

Бекасова Елена Николаевна,

доктор филологических наук, Оренбургский государственный педагогический университет; 460014, г. Оренбург, ул. Пушкинская, д. 18, к. 306; e-mail: bekasova@mail.ru

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОППОЗИЦИИ НАСТОЯЩЕГО И ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: психолингвистика; языковая личность; грамматика; категория времени; лица; вида; система времён русского глагола; памятники древнерусской письменности; современный русский язык.

АННОТАЦИЯ. Рассматривается специфика грамматического противопоставления настоящего и прошедшего времени в русском языке, обусловленная субъективно-психологическим отношением к категории времени не только носителей русского языка, но и его исследователей. Сложный процесс становления современной системы форм грамматического времени в процессе взаимодействия с компонентами аспектуально-темпорального комплекса, персонификации в рамках различных парадигм сознания и языка показывает переплетение временных планов как результата психолингвистического восприятия и осмысления действительности в координатах специфики грамматического времени.

Bekasova Elena Nikolayevna,

Doctor of Philology, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg.

PSYCHOLINGUISTIC ASPECTS OF OPPOSITION OF PRESENT AND PAST TENSES IN RUSSIAN LANGUAGE

KEY WORDS: psycholinguistics, language personality, grammar, category of tense, person, voice, system of tenses of the Russian verb, memorials of Old Russian writing, modern Russian.

ABSTRACT. In this article considers the specification of grammatical opposition of the past and past tenses in Russian caused by the subjective and psychological attitude to category of tense of not only the native Russian speakers, but also of its researchers. Difficult process of formation of modern system of forms of grammatical tense in the course of interaction with components of an aspect-temporal complex, personification of consciousness and language within various paradigms shows interweaving tense aspects as a result of psycholinguistic perception and judgment of reality in the terms of tenses specifications.

Во всех частях и частицах языка, как бы много физического мы в нём ни находили, *пульсирует* и может пульсировать *лишь чисто психическая жизнь*.

И. А. Бодуэн де Куртенэ (6, с. 260).

Категория времени в русском языке, безусловно, может быть признана самой «психолингвистической» категорией. Ещё В. В. Виноградов в своём знаменитом грамматическом учении о слове на основании досконального разбора взглядов на формы времени русского глагола делает вывод о том, что все они проникнуты «субъективно-психологическим представлением»: «Таким образом, в грамматической традиции чаще всего речь идёт не столько о языковых формах глагольного времени и их значениях, сколько о психологических планах времени, об абстрактных линиях и точках времени. Система живых форм времени русского глагола в их основных значениях и их сложном грамматическом взаимоотношении с другими глагольными формами

почти никем из русских лингвистов последнего времени (кроме акад. А. А. Шахматова) не осмыслялась. На этой почве складывается убеждение: время русского глагола психологично и субъективно. Оно не вполне «грамматикализовано». Оно определяется больше психологически, чем грамматически» (9, с. 540–541).

Аналогичное состояние в определении статуса категории времени в русском языке сохраняется и в настоящее время. В частности, А. В. Бондарко, определяя аспекты анализа глагольных категорий в системе функциональной грамматики, подчёркивает, что «изучение межкатегориальных связей – одно из актуальных направлений системно-функциональных исследований в сфере грамматики» (7, с. 26), при этом особое

внимание следует обратить на «такие вопросы, как... семантика временной локализованности в её связях с другими компонентами аспектуально-темпорального комплекса» (7, с. 25).

Осознание категории времени носителями современного русского языка практически полностью совпадает с описанными в лингвистике представлениями о системе форм времени в русском языке – начиная от отрицания настоящего времени, отождествляемого с «мигом между прошлым и будущим», до увеличения количества временных форм. Интересно в этом плане сопоставить современную рефлексию и весьма оригинальное замечание Г. Павского о русском языке, «который даже для трёх времён (настоящего, прошедшего и будущего) не имеет отличительных признаков. В нём, как и в других славянских языках, не различено и будущее время от настоящего, и причастие, которое мы ныне называем прошедшим временем..., есть не более как прилагательное имя» (16, с. 542). Подобная теория вневременности русского глагола использована известным фантастом Е. Лукиным для обоснования особенностей русского менталитета в сатирическом Манифесте партии национал-лингвистов: «§11. Мысля на современном русском языке, нам никогда ничего не достроить, поскольку русские глаголы совершенного вида в настоящем времени употреблены быть не могут. В настоящем времени можно лишь ДЕЛАТЬ что-то (несовершенный вид). СДЕЛАТЬ (совершенный) можно лишь в прошедшем и в будущем временах. Однако будущее никогда не наступит в силу того, что оно будущее, а о прошедшем речь пойдет ниже. Возьмем для сравнения тот же английский. Четыре формы настоящего времени глагола. И среди них НАСТОЯЩЕЕ СОВЕРШЕННОЕ. Будь мы англоязычны, мы бы давно уже что-нибудь построили. §12. Мысля на современном русском языке, нам никогда не учесть ошибок прошлого, потому что русские глаголы прошедшего времени – это даже и не глаголы вовсе. Это бывшие краткие страдательные причастия (*имеются в виду действительные причастия прошедшего времени (элевые причастия) – Е. Б.*). Они обозначали не действие, а качество. Они не спрягаются, но подобно именам изменяются по родам («я отпал», «я отпала», «я отпало»). Хорошо, хоть не склоняются – и на том спасибо! Иными словами, прошлое для нас не процесс, а скорее картина, которую весьма легко сменить. Только что оно было беспросветно-мрачным, и вдруг – глядь, а оно уже лучезарно-светлое! Или наоборот» (14, с. 698–699).

Как показывают результаты проведённого нами эксперимента, в обыденном сознании носителя русского языка соотношение грамматических времён представлено аналогично учениям о формах времени. Вероятно, под влиянием «сильной психологизации» (9, с. 542) и «без учёта соотношения объективного времени с приёмами его субъективного представления» (9, с. 540) участниками эксперимента предпочтение отдаётся прошедшему времени (44,7% опрошенных). Кроме того, формы прошедшего времени являются неотъемлемым атрибутом языковой личности, потому что некоторые респонденты отмечают, что они могут обходиться без форм настоящего и будущего времён (соответственно 5% и 15%).

Такая значимость прошедшего времени как единственного реально воплотившегося в парадигме форм времени русского глагола нередко подчёркивается и в исследованиях о русском глаголе. По мнению В. В. Виноградова, «для системы времён современного русского глагола характерно морфологически подчёркнутое противопоставление форм прошедшего и форм настоящего-будущего времени. Грамматическая сфера прошедшего времени наиболее глубоко и резко очерчена в русском языке. Это – сильная грамматическая категория» (9, с. 543). В свою очередь это обуславливает восприятие книжных текстов как текстов с доминантой прошедшего времени. Особенно это касается древнерусских и старославянских памятников письменности.

В связи с этим нами был произведён выборочный анализ некоторых текстов указанных памятников. В частности, в начале текста Остромирова евангелия (евангелие от Иоанна, глава 1) наблюдается следующее распределение глагольных форм: 78,2% – прошедшее время (аорист и имперфект), 21,8% настоящее и будущее (соответственно 13,8% и 8%). Одинаковы во всём памятнике в зафиксированных звеньях парадигмы отдельных глаголов, возможно иное соотношение форм прошедшего и непрошедшего времени, например: прѣити – соответственно 1 и 5; любити–14 и 24; прѣдати – 14 и 15; учити –1 и 1 и под. Это подтверждает мнение В. В. Колесова о том, что «связь грамматической формы времени с формульностью традиционного текста определялась не только стилем, жанром или логикой описания, но и лексическим наполнением соответствующей формы времени. Например, глаголы бытия и расположения в пространстве, чувственного восприятия и мышления чаще всего предполагали формы наст. вр.» (13, с. 433).

Бесспорно, что временные планы памятников письменности обусловлены целым рядом факторов (содержанием, жанром, семантикой отдельных глаголов и др.), поэтому временные доминанты конкретных текстов могут меняться. Достаточно обратиться к одной из древнейших датированных древнерусских рукописей – Изборнику 1076 г., где представлено следующее соотношение зафиксированных глагольных форм: 24,54% причастий и 75,46% глаголов, среди которых изъявительное наклонение составляет 61,12% (39,1% – формы прошедших времён, 57,2% – формы настоящего времени, 3,7% – формы будущих времён). Интересно сопоставить эти данные со статистическим распределением форм грамматического времени в исследовании В. В. Колесова, который утверждает, что «из всех глагольных форм, включая причастия, личные формы в среднем составляют 56% (причастия – 27%), в том числе наст. вр. – 20%, прошедшее время – 35,7% (13, с. 455). При совпадении общих подсчётов причастий и форм изъявительного наклонения (разница 2–5%), расхождения наблюдаются в соотношении форм прошедшего и не прошедшего времени – соответственно 2:1 (по данным В. В. Колесова) и 1:1,5 (в Изборнике 1076 г.).

Следует отметить, что в отдельных частях Изборника 1076 г. возможен и более значительный перевес форм настоящего времени над формами прошедшего времени, в частности 7,5:1, как это наблюдается в старейшем списке «Стословца» Геннадия (12, с. 206–273) – одного из самых авторитетных и широко известных на Руси памятников, отразившегося во многих оригинальных русских произведениях. Функциональная направленность подборки ста сентенций, трактующих основные положения христианского вероучения и христианской морали, определяется императивом (46,4%), которым начинается большинство из слов, например:

Вѣроуи въ оца и сѣа и стааго дѣа (12, с. 207); Въплъштениѣ же сѣа вѣруи (12, с. 208); Кръстоу хѣ оу съ вѣроу попланаи са (12, с. 208); Иконѣ хѣвъ и прѣчистыа юго мѣре ... съ вѣроу чьсть въздаваи (12, с. 209); Страхъ бжии имѣи въ срьдци (12, с. 209); Страхъ же юго акы оуздоу обрѣти оумъ свои (12, с. 210); Простѣшааго въ семь ишти (12, с. 210); Не рыци (12, с. 210); Правдою оукрашаи са и къ всакоу тъщи са (12, с. 211) и под.

Именно на общем фоне императива специфически представлено соотношение форм времени изъявительного наклонения, составляющего 41% зафиксированных в тексте глаголов, из них 65,6% составляют формы настоящего времени, 25,6% – будущего времени и 8,8% – прошедшего времени (в основном аорист). Такое соотношение является исключительным, так как для

древнерусского языка данного периода, как утверждает В. В. Колесов, «в любом тексте наст. вр. составляет от 20 до 36%, аорист – от 20 до 60% всех глагольных времён, употреблённых в средневековом тексте» (13, с. 433). Однако структура «Стословца» направляется повелительным наклонением, которое в славянских языках «восходит не к императиву, а к оптативу – пожелательному наклонению, которое образовывалось от основы наст. вр.» (13, с. 584), и именно выполнение пожеланий-повелений приводит к реализации действий или констатации состояния в настоящем или в будущем, например:

Посѣти соуштиихъ въ тѣмьници ... вижь бѣдоу вижь страсть и рыци вхъ мьнѣ си за юдино съгрѣшениѣ стражють азъ же ... съгрѣшаю и въ льготѣ прѣбываемъ (12, с. 228–229); Простѣшааго въ семь ишти и въ брашьнѣ и въ одежди и не стыди са ништетоу: поуже большая часть мира сего въ ништетѣ юсть (12, с. 210) и под.

Однако анализ ряда летописных статей «Повести временных лет» подтверждает распространённое мнение о том, что в летописи «обычной формой прошедшего времени (и вообще самой употребительной формой времени) является аорист (по подсчёту одного исследователя (В. А. Семенко) – 83,3%)» (20, с. 252). В частности, в летописной статье 1112 г. о походе Ярослава 95,6% форм грамматического времени представлено исключительно формами прошедшего времени: 68,2% – аорист, 22,7% – имперфект, 9,1% – плюсквамперфект, что полностью соответствует положению, высказанному исследователями Лаврентьевской летописи, «согласно которому аорист и имперфект были свойственны повествованию» (8, с. 283). Однако при изменении содержательных аспектов происходит и смена временных планов. Например, в приписанном летописцу Нестору «Сказании об обречении и перенесении мощей Феодосия Печерского» на фоне аориста (70%) «как основного повествовательного времени, абсолютного и неизменного» (13, с. 451), встречаются формы настоящего времени (13,3%). Как «первое самовидец», Нестор ведёт своё повествование от 1 лица, что является редким фактом в истории средневековой литературы, где индивидуально-авторское творчество обладало низкой спецификацией. И именно в этой установке – «азъ грѣшнии скажю» – воплощается план настоящего / будущего времён, реализующийся, как правило, в прямой речи, например: «Но поими, его же хощеши» (речь игумена); иде же лягу азъ (речь Феодосия); начату жити, еда како на страну копаемъ; яко не суть Феодосия (речь Нестора) (18, с. 39–40) и под.

Таким образом, в памятниках древнерусской письменности наблюдается распределение грамматических форм времени, удовлетворяющее специфические коммуникативные потребности: аорист и имперфект как наиболее типичные формы монолога (10, с. 326); перфект, настоящее и будущее времена как формы преимущественно диалогической речи, при этом перфект «вместе с тем абсолютно преобладающая форма в старейших деловых и бытовых текстах» (10, с. 307). Такое положение грамматических времён в памятниках древнерусской письменности создавало своеобразную «ауру» текста.

Однако при такой реализации категории времени в памятниках письменности одновременно актуализируется связь форм времени и лица. Исследователями давно отмечена закреплённость в книжных текстах данных категорий. В частности, В. В. Колесов, определяя общую перспективу развития временных форм, указывает на «перераспределение форм лица и числа в зависимости от коммуникативного задания; формы прошедших времён соотносятся с определённым лицом глагольного действия (аорист в 3-м л., перфект – во 2-м л. и т. д.) и тем самым предстают в определённых речевых формулах, которые постепенно разрушаются» (13, с. 457). В свою очередь возрастающая индивидуализация творчества влечёт за собой разнообразие личных, а за ними и временных форм.

Достаточно показательно в этом плане письмо Аввакума к «отцам святым» и «преподобным маткам», где создаётся эффект присутствия Аввакума в кельях своих адресатов («Дерзнух, нагой грешник, из земли приити в недра ваша» – «Ну, творите о мне молитву» – «Простите, батьки, пошел я к маткам-старицам в кельи» – «Повидался с вами» (11, с. 221–222)) и непосредственного общения в форме диалога, в котором почти в равных долях распределяются формы повелительного (46%) и изъявительного (51%) наклонений. Преобладание форм прошедших времён (40% – настоящее время, 15% – простое будущее время) усиливается за счёт перфекта совершенного вида (30%), который отчётливо соотносит результат действия в прошлом с настоящим. «Виртуальный» диалог обладает всеми атрибутами реального общения и вписывается в координаты 1 и 2 лица, которые составляет 79% всех личных форм, из них половину составляют формы 1 лица единственного числа. По сути деление на времена и лица условно, так как автор текста продуцирует как свои, так и ответные реплики.

Таким образом, на фоне «подчёркнутого противопоставления форм прошедшего времени и форм настоящего-будущего времени» (9, с. 543) наблюдается антитеза форм 1-го, 2-го лица и формы 3-го лица. По мнению А. А. Шахматова, с которым целиком согласен В. В. Виноградов, «глагольные формы 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа настоящего времени, непосредственно «означая сочетание субъекта с предикатом, субстанции с признаками (так как указание на лицо, на производителя действия включено уже в их морфологическую структуру), являются формами, всегда господствующими в речи. Между тем в литературном языке (выделено мною. – Е. Б.) только в зависимой форме употребляется 3-е лицо» (цит. по: 9, с. 457). Этим объясняется сравнительно редкая фиксация форм 1 л. ед. ч. настоящего (простого будущего) времени в памятниках древнерусской письменности: судя по нашим материалам (более 3,5 тысяч источников XI–XVII вв. (2)), менее 5% в парадигме форм глаголов с исходом на *-дити* и *-тити* (типа *ходити*, *латити*) (1; 3; 4; 5).

Такая закреплённость форм 3 лица за книжными текстами и 1, 2 лица – за устными разговорными текстами ставит под сомнение результаты проведённого опроса, когда респонденты в оценках своей речи, где, безусловно, преобладают формы 1 лица единственного числа как формы субъекта речи, предпочтение отдают формам прошедшего времени. По всей видимости, некая иллюзорность преобладания прошедшего времени, опровергаемая даже небольшой выборкой древнерусских текстов, свойственна и обыденному сознанию носителей русского языка. Это подтверждается дальнейшим анкетированием, направленным на выявление конкретных позиций употребления грамматических форм времени. В частности, предлагалось выбрать наиболее стандартные случаи употребления определённых временных форм в конкретных ситуациях общения (например, при описании прошедших событий). Как правило, при анализе собственных ответов или отборе примеров респонденты (особенно студенты и преподаватели с филологическим образованием) приходят к выводу о том, что используют типы переносного употребления форм настоящего времени, в том числе при обозначении прошлых событий, которые без определённой грамматической рефлексии воспринимают как формы прошедшего времени, в результате чего смешиваются грамматический и темпоральные планы. Иными словами, отношения глагольного времени и темпорально-

сти, лица и персональности переплетаются в живом общении, включая различные «модели повествования» и «постепенные переходы, ведущие к той периферии, где отсутствует актуальное противопоставление «прошлое – настоящее» (7, с. 25).

При этом данные эксперимента дают полное основание согласиться с мнением И. Г. Франк-Каменецкого о том, что «для мифологического мышления (как, впрочем, и современного обыденного) настоящее есть наиболее осязаемая непреложная реальность, отнюдь не обладающая нулевой протяжённостью» (цит. по: 9, с. 540). Универсальность такой характеристики настоящего времени – от «мифологического до современного обыденного мышления» – обусловлена возможностью форм настоящего времени «актуализировать действия, занимающие на временной шкале разное положение» (17, с. 235). Такую особенность хорошо понимают респонденты с филологическим образованием, которые при осмыслении соотношения форм времени в непосредственном, спонтанном бытовом общении предпочитают формы настоящего времени от 57% до 70%, отмечая также важность и «актуального прошлого».

По мнению Е. В. Петрухиной, «языковой механизм сохранения давно прошедших действий и расширения настоящего на прошлое имеет когнитивную ценность, возрастающую особенно в последние десятилетия, когда многие учёные – социологи, историки и физики – отмечают новый феномен современной динамичной цивилизации – “сокращение настоящего”» (17, с. 236). В этом плане показательна ироническая коррекция форм времени в постановке сказки творческим объединением «Уральские пельмени»: «Жил-был царь. – Жил-был царь? Ну, жил-был, а сейчас-то не живёт. – Живёт-бывёт царь. И было у него, то есть есть у него три дочери». В тексте формы настоящего времени заменяют как плюсквамперфект, обозначающий предшествующее действие другим, в дальнейшем описываемым действием, и бывший перфект, указывающий на связь прошлого с настоящим. Такая правка не только разрушает традиционный сказочный зачин, но и делает грамматическую модель плоской, лишает её объёмности временного континуума, который в принципе без всякой рефлексии свойственен и сейчас носителям русского языка.

Однако, на наш взгляд, нет оснований утверждать, что «языковая модель расши-

рения настоящего» является своеобразной реакцией на «сжатие настоящего», позволяющей носителю языка «преодолеть разрыв с прошлым, также деформирующий целостную картину мира» (17, с. 236). Как уже указывалось, большинство носителей в своём субъективно-психологическом видении грамматического времени достаточно «уютно» чувствует себя в прошедшем времени, с другой стороны – «расширение настоящего» наблюдается и в древнерусских текстах, однако невозможно упрекнуть средневекового книжника в том, что для него «настоящее быстро устареваает», а время «как бы постоянно сжимается», ибо он творил во вневременных координатах вечности и божественной устроенности.

Как уже было показано, в этом случае мы вновь сталкиваемся с «субъективным перемещением временной перспективы», которое свойственно как научному мышлению, так и обыденному сознанию. По всей видимости, «текучесть» времени, его «вращательные» и «возвращательные» свойства, как в «этимологическом», так и реальном планах, накладываются на грамматическую категорию времени, усугубляемую категорией вида и лица, что в свою очередь вступает в сложные отношения с жанром, стилем, типом текста, традицией, индивидуальным восприятием и под.

Все указанные позиции лишь подчёркивают мысль А. А. Потебни о самовольности языка в обращении со временем: «Посредством языка человек доводит до своего сознания или, другими словами, представляет себе содержание своей мысли. Язык имеет своё содержание, но она есть только форма другого содержания, которое можно назвать лично-объективным на том основании, что хотя в действительности оно составляет принадлежность только лица и в каждом лице различно, но самим лицом принимается за нечто, существующее вне его. Это личностно-объективное содержание стоит вне языка. Так, например, мы можем думать, что время бывает тройко по отношению к тому мгновению, когда думаем или говорим; настоящее, прошедшее и будущее, и что сообразно с этим события настоящие, прошедшие и будущие такими и должны изображаться. Но языку, как живописцу, вольно и «Пятницу на коне написать». Событие, ещё не совершившееся, по мнению самого говорящего лица, язык может представить не только будущим, но и прошедшим, прошедшее – настоящим и будущим» (19, с. 118–119).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекасова Е. Н. «Чуду-юду я и так победу!» // Русский язык в школе. 2006. №5.
2. Бекасова Е. Н. Генетический фон древнерусского текста: монография. Оренбург: ОГПУ, 2010.
3. Бекасова Е. Н. Об изучении морфонологических чередований // Русская словесность. 2005. №5.

4. Бекасова Е. Н. *Побеждю, побезу, побезду...* (грамматическая форма в свете показаний языкового сознания) // Психологические аспекты изучения речевой деятельности / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2008. Вып. 6.
5. Бекасова Е. Н. Феномен формы 1 лица типа *освобожу* в русском языке // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики : сб. мат-лов конф. ИЛИ РАН 9–12 апреля 2013 г. СПб. : Нестор-История, 2013.
6. Бодуэн де Куртенэ И. А. Опыт теории фонетических альтернатив // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М. : Наука, 1963.
7. Бондарко А. В. Аспекты анализа глагольных категорий в системе функциональной грамматики // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики : сб. мат-лов конф. ИЛИ РАН 9–12 апреля 2013 г. – СПб. : Нестор-История, 2013.
8. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М. : АН СССР, 1963.
9. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. : Учпедгиз, 1947.
10. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов. М. : Высш. школа, 1981.
11. Житие протопопы Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979.
12. Изборник 1076 г. / Изд. подг. В. С. Голыщенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов / под ред. С. И. Коткова. М. : Наука, 1965.
13. Колесов В. В. История русского языка : учеб. пособие для студ. филол. фак. вузов. СПб. : Академия, 2005.
14. Лукин Е. Манифест партии национал-лингвистов // Из книги перемен. М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2008.
15. Остромирово евангелие по изданию А. Х. Востокова. М. : Языки славянских культур, 2007.
16. Павский Г. Филологические наблюдения над составом русского языка протоиерея Г. Павского. СПб., 1850.
17. Петрухина Е. В. Когнитивная значимость категории настоящего времени // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: Сб. материалов конференции ИЛИ РАН 9–12 апреля 2013 г. – СПб. : Нестор-История, 2013.
18. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва / Изд-е 2-е, испр. и доп. – СПб. : Наука, 1996.
19. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II. Глагол. М. : Просвещение, 1977.
20. Черных В. И. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк // Пособие для пед. ин-тов. М. : Учпедгиз, 1962.

Статью рекомендует д-р филол. наук, проф. М. Э. Рут.